

видела в С. единственного вождя революции, способного победить большевиков. Разорвав с Белым движением, он провозгласил себя вождем «зеленых», т. е. крестьян-повстанцев. Апологи этого движения был посвящен сб. статей **«На пути к Третьей России»** (1920). Но в окт. 1920 С. был выслан из Польши. В 1922–23 встречался с Б. Муссолини, рассчитывая получить поддержку для продолжения антибольшевистской борьбы. Жил в Праге, Лондоне. Белое движение относилось к нему с недоверием из-за дореволюционного прошлого. А эсеры не могли ему простить лит. творчества. В итоге он оказался в Париже в полной изоляции от русской колонии: «Я сел писать „Коня вороного“, тогда я отошел от всех дел и забился в щель» (**Перед военной коллегией Верховного суда СССР**. М., 1924. С. 9).

Осмыслением пережитого во время Гражданской войны стала повесть **«Конь вороной»** (1923). Форма повествования (дневник героя), вкрапленные в текст фрагменты «Коня бледного» подчеркивали единую сюжетную линию трилогии с главным героем Жоржем. Сюжет повести отталкивается от реальных событий Гражданской войны, а образы — от конкретных лиц. С. подчеркивал, что повесть не является автобиографией, но она и не вымысел: «Я описывал либо то, что пережил сам, либо то, что мне рассказали другие» (Коня вороной. Л., 1924. С. 11). Основной сюжета первой части стал поход армии генерала С. Н. Булак-Балаховича осенью 1920 на Мозырь (С. командовал тогда Первым полком); второй части — поход полковника С. Павловского, друга С., прототипа полковника в повести; третьей части — это описание работы Павловского в советской Москве, куда его отправил С. в действительности в 1923. Тема повести — неотвратимость кровавой бойни на новом витке революционного насилия, когда «кровь до узд конских» затопила Россию. Террорист Жорж превратился в жестокого полковника, яростно уничтожающего свой русский народ. Название повести вновь из Апокалипсиса, который теперь накладывался на кровь и ужас Гражданской войны. Появившиеся в печати критические отзывы на «Коня вороного» были немногочисленны.

В авг. 1924 С. пытался нелегально перейти границу СССР, но был арестован и предан суду. На суде безоговорочно признал советскую власть и был приговорен к расстрелу, замененному заключением сроком на 10 лет. В тюрьме С. написал верноподданнические рассказы, изобразив в сатирических тонах

жизнь русских эмигрантов (**Рассказы**. М., 1924). 7 мая 1925, согласно официальной версии, С. покончил жизнь самоубийством: «Не раз бросался Савинков вниз головой в постоянно манившую его бездну смерти, пока не разможил своего черепа о каменные плиты, выбросившись из окна московской тюрьмы ГПУ» (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995. С. 366).

Прожив бурную жизнь, С. стал прототипом героев ряда романов. Он — «неуловимый» террорист Дудкин, действующий по указанию главного провокатора, в романе А. Белого «Петербург». Под своим собственным именем С. присутствует в романе А. Ремизова «В розовом блеске». Он один из главных действующих лиц романа Р. Гуля «Азеф».

Соч.: Во Франции во время войны. Ч. 1–2. М., 1916–17; Рассказы. М., 1924; Ропшин В. Книга стихов. Париж, 1931; Борьба с большевиками // Лит-ра Русского зарубежья. М., 1990. Т. 1; Избранное. Л., 1990; То, чего не было. М., 1992; Неизвестная рукопись. Знамя. 1994. № 5.

Лит.: Амфитеатров А. Конь бледный // Амфитеатров А. Заметки сердца. М., 1909; Чернов В. Две бездны // Заветы. 1912. № 8; Вендзягольский К. Савинков // Новый ж. 1962. № 68, 70; Жуков Д. Б. Савинков и В. Ропшин. Террорист и писатель // Таинственные встречи. М., 1992; Мережковский Д. Конь бледный // Мережковский Д. Большая Россия. Л., 1991; Гиппиус З. Дневники: в 2 кн. Кн. 1. М., 1999; Гиппиус З. Революция и насилие // Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. М., 1999; Могильнер М. Конь бледный // Могильнер М. Мифология «подпольного человека». М., 1999; Письма З. Гиппиус к Б. Савинкову: 1908–1909 годы // Русская лит-ра. 2001. № 3; «Религиозная общественность» и террор // Русская лит-ра. 2003. № 4; «Революционное христианство» // Русская лит-ра. 2005. № 1.

Е. И. Гончарова

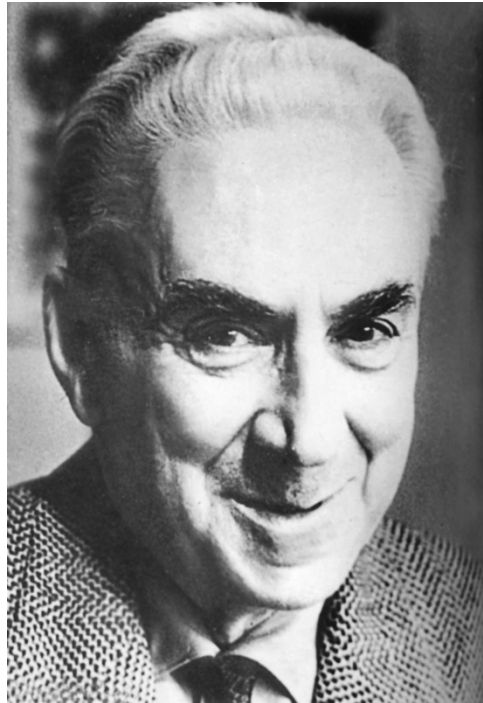
САВИЧ Овадий Герцович [17(29).7.1896, Варшава — 19.7.1967, Москва] — прозаик, переводчик.

Родился в интеллигентной семье, вырос без отца (родители рано разошлись) и с детства был погружен в книги. Первой публикацией С. стали стихи в альм. «Альфа» в 1915. В том же году С. поступил на юридический ф-т Московского ун-та, но, влюбленный в театр, вскоре перешел на сцену и был профессиональным актером до начала 1920-х. В 1922 уехал за границу, где познакомился с И. Эренбургом, став его самым близким другом до конца жизни. Находясь постоянно

в тени своего знаменитого товарища, С. внешне как бы повторял его жизненный путь. Подобно Эренбургу, проживая в Европе не эмигрантом, а советским гражданином, он в 1920-е стал профессиональным писателем. В 1922 в московском альм. «Свисток» были опубликованы 2 поэмы С., но затем, как и Эренбург (в это время надолго оставивший поэзию), С. перешел исключительно на прозу. Первая повесть С. **«На холостянской земле»** (1923) была написана в беглой импрессионистской манере, сказывалось влияние имажинистов, к которым он одно время был близок. В те же годы С. написал рассказы **«Золотой век»** (Одиссея. Берлин. 1923. № 1), **«Накипь»** (Современник. М., 1924. № 2), повесть **«В горах»**, опубликованную в «Красной нови» (1925. № 9).

Вышедшие в 1927 3 сб. его рассказов — **«Синий шелк»**, **«Плавучий остров»**, **«Короткое замыкание»**, а год спустя **«Ванька-встанька»** — были явной попыткой перехода к языку русской классической прозы. Так же было написано и лучшее произведение С. — роман **«Воображаемый собеседник»** (1928). Его положительно оценили Б. Пастернак, О. Форш, Ю. Тынянов. Фабула романа строилась на истории непонятого похищения одним из персонажей крупной суммы денег; мотивы этого поступка были неясны даже самому герою. Происшедшее вскоре благополучно разрешилось, герои романа о криминальной стороне дела стали забывать. Но зато неожиданно для себя эти скромные и забытые сотрудники советского учреждения обрели способность думать, у них появились мысли о сущности своей жизни, зародилась догадка о том, что так, как они живут, жить нельзя. Как и в повести **«По холостянской земле»**, где актеры только на первый взгляд главные герои, а на самом деле для автора гораздо важнее и интереснее потревоженный приезд театра быт небольшого южного города, так и в «Воображаемом собеседнике» непонятные события были лишь причиной самоанализа действующих лиц, превращая их из винтиков в мыслящих людей.

В прессе роман был встречен критически. «Одно заглавие сердило критиков: хотя еще никто не говорил о новом толковании реализма, но воображать не полагалось» (Эренбург И.— С. 123). Роман был забыт и при жизни автора в России больше не издавался, вновь вышел из печати лишь через четверть века после смерти С. Как вспоминал И. Эренбург, «Савич продолжал писать, но второй роман не получался... Мне каза-

О. Г. Савич

лось, что он не может найти ни своей темы, ни места в жизни» (Там же).

Место в жизни С. все-таки нашел, опять же следуя по стопам своего друга. С конца 1920-х С. полностью отдался публицистике. Он много ездил по Европе и посылал в различные московские изд. свои статьи и очерки, в основном навеянные этими поездками. Находясь в Испании (по совету И. Эренбурга) с февр. 1937 и до последних дней сопротивления республиканцев весной 1939, он активно писал для московских изд., оставаясь в последние месяцы единственным советским корреспондентом в этой стране. Испания и ее люди стали для С. практически откровением. Приехав в страну и не зная ни одного испанского слова, он вскоре настолько освоил и полюбил язык этого народа, что стал одним из лучших переводчиков испаноязычной поэзии.

Все последующие годы, тяжело больной, месяцами прикованный к постели, С. самоотверженно переводил испанских и латиноамериканских поэтов. В переводах С. русский читательзнакомился с поэзией А. Мачадо и Р. Альберти, П. Неруды и Н. Гильена, Г. Мистраль и мн. др. Все, что говорится о первоклассных переводчиках, — способность к перевоплощению, естественность языка, отсут-

ствии стилизации, умение сделать иностр. произведение фактом русской лит-ры — все это в полной мере можно отнести и к переводческой деятельности С. По определению В. Каверина, для С. «это стало не только профессией, но и призванием, долгом, единственно разумной возможностью существования».

После Испании С. не только переводил, но и писал свои книги, однако все выходящее в эти годы из-под его пера неизменно было связано с полюбившейся ему страной. «Люди интернациональных бригад» (1938), «Счастье Картахены» (1947), «Два года в Испании» (1961) — это рассказы о той стране, где С. нашел себя. Последняя книга С. с 1961 по 1981 выдержала 4 изд.

Умер С. на полтора месяца раньше своего друга И. Эренбурга.

Соч.: Мы и они [в соавт. с И. Эренбургом]. Берлин, 1930; Сартр Ж.-П. Только правда: пер. с французского [в соавт. с И. Эренбургом]. М., 1954; Поэты Испании и Латинской Америки: Избранные переводы. М., 1966; Воображаемый собеседник. М., 1991.

Лит.: Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1990. Т. 2. С. 122–125; Каверин В. Место в мире // Савич О. Воображаемый собеседник. М., 1991. С. 5–16; Эйсер А. Камарада Савич // Журналист. 1968. № 7.

В. В. Попов

САДОВСКОЙ (Садовский) Борис Александрович [10(22).2.1881, г. Ардатов Нижегородской губ.— 5.3.1952, Москва] — поэт, прозаик, критик.

Сын историка А. Я. Садовского. Первоначальное образование получил в нижегородском Дворянском Александровском ин-те и местной гимназии, затем (с 1902) учился на историко-филол. ф-те Московского ун-та (окончил в 1906). Впервые выступил в печати в янв. 1901 (стих. «Иоанн Грозный» в газ. «Волгарь»). Как поэт, тяготел к символизму, был связан дружбой или близким знакомством с Андреем Белым, Блоком, Брюсовым, пригласившим его сотрудничать в «Весках». Печатался также в «Русской мысли», «Речи», «Биржевых ведомостях» и др., не порывая связи с нижегородской прессой. Первый поэтический сб. С. «Позднее утро» вышел в 1909, когда автору было 28 лет (откуда, видимо, и название). За ним последовали наиболее известные «Самовар» (1914), «Полдень» (1915), «Обитель смерти» (1917), свидетельствовавшие о неоклассических устремлениях автора: внешне связанный с сим-

Б. А. Садовской

волистами, С. внутренне ощущал себя наследником Пушкина и Фета. Это особенно заметно в историко-лит. книгах С.: «Русская Камена» (1910), «Озимь» (1915), «Ледоход» (1916), содержавших и статьи о совр. поэзии. Наиболее значительными историко-лит. работами С. были исследования, посвященные биографии и творчеству Фета (в сб. «Ледоход»). Проза С. (сб. «Узор чугунный», 1911; «Адмиралтейская игла», 1915), преимущественно посвященная «давно прошедшему», отличается стилизацией («под эпоху»). Используя язык реконструируемого времени, С. широко пользовался приемом воссоздания дневников, переписки, мемуаров. Это сказывалось и на выборе главней («Из бумаг князя Г.», «Дневник генерала» и др.).

В конце 1916 С. разбил паралич, и он оказался фактически вне лит-ры. Революции 1917 были восприняты им как крушение обжитого мира. Близкий в начале 1920-х к самоубийству, С. при поддержке друзей все-таки выстоял и продолжал активную лит. деятельность, хотя его почти не печатали. «Новое время» требовало «новых песен»; увидели свет только сб. «рассказов в стихах и прозе» «Морозные узоры» (1922) и роман «Приключения Карла Вебера» (1928). Очевидно, результатом этого были недавно раскрытые мистификации С. В частности, от имени вымышленного Николая Ивановича Попова — «однокашника» С. М. Степняка-Кравчинского по Лесному ин-ту (одновре-